

Check for updates

География Человека

Научная статья

УДК 324 + 328.18 + 329 + 913

О сдвигах в электоральном поведении в странах Западной Европы: оценка и предпосылки

Д. А. Кунгурцев ^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Кунгурцев Данил Алексеевич, SPIN-код: 2866-1989, e-mail: dennygame456@gmail.com

Для цитирования: Кунгурцев, Д. А. (2026) О сдвигах в электоральном поведении в странах Западной Европы: оценка и предпосылки. *Евразийский географический журнал*, т. 1, № 1, с. 27–41.

Получена 25 марта 2025; прошла рецензирование 8 апреля 2025; принята 10 апреля 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Д. А. Кунгурцев (2026). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Аннотация. Рассматривается динамика электорального поведения в странах Западной Европы, с акцентом на электоральный ландшафт стран Европейского Союза. Подчеркивается специфика европейской электоральной геоструктуры, связанная с учетом относительно стабильных партийных систем, долгого опыта проведения выборов, а также консервации региональных моделей электорального поведения. Кроме объективных экономических причин происходящих сдвигов, фиксируются ситуативные (в частности, COVID-19). Некоторые причины явились неожиданными. Речь идет о сдвиге вправо тех страт избирателей, которые еще недавно составляли электорат левых — молодежи.

Ключевые слова: электоральное поведение, электоральные геоструктуры, электоральный сдвиг, Евросоюз, Европарламент, европартии

On shifts in electoral behavior in Western European countries: Assessment and background

D. A. Kungurtsev ✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Danil A. Kungurtsev, SPIN: [2866-1989](#), e-mail: dennygame456@gmail.com

For citation: Kungurtsev, D. A. (2026) On shifts in electoral behavior in Western European countries: Assessment and background. *Eurasian Journal of Geography*, vol. 1, no. 1, pp. 27–41.

Received 25 March 2025; reviewed 8 April 2025; accepted 10 April 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © D. A. Kungurtsev (2026). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY License 4.0.

Abstract. The article examines the dynamics of electoral behavior in Western European countries, with an emphasis on the electoral landscape of the European Union member states. The article highlights the specifics of the European electoral geostructure, related to relatively stable party systems, long-term electoral experience, and the persistence of regional models of electoral behavior. In addition to the objective economic reasons for the ongoing shifts, the article identifies situational factors — notably, the COVID-19 pandemic. Some of the underlying reasons prove unexpected such as a rightward shift among demographic cohorts, particularly youth, who until recently constituted the traditional electorate of the left.

Keywords: electoral behavior, electoral geostructures, electoral shift, European Union, European Parliament, European parties

Введение

География голосований в современном мире становится одним из основополагающих факторов для изучения политического регионализма, а ее пространственно-временное выражение в различных результатах парламентских или президентских выборов имеет первостепенный характер. Об этом говорит и то, что исследования специалистов в данной области основываются на изучении проблем территориальной дифференциации политических ориентаций населения, формировании особых геоструктур на основе, во-первых, выборов в представительные органы власти и, во-вторых, политико-региональной идентичности территориальных сообществ, их ценностей и представлений об окружающем их географическом пространстве. Вследствие данных характеристик складывается понятие «электоральное поведение».

Зачастую для определения данного понятия идентифицируются субъективные факторы, влияющие на электоральное поведение. Среди них: самоидентификация избирателя как члена определенной социальной группы, целенаправленные усилия политических партий в ходе избирательных кампаний, личные качества кандидатов, текущая политическая ситуация

и особенности избирательной системы. Однако под этим понятием рассматриваются не столько текущие настроения избирателей, сколько весь спектр и переплетение причин, влияющих на тот или иной выбор населения. В рамках факторного анализа среди объективных факторов электорального поведения выделяются социально-экономические, политико-культурные, демографические, культурно-исторические и др. Однако значимость факторов в различных регионах неодинакова, поэтому появляется возможность выделения как наиболее приоритетного фактора, так и их группы.

Различные подходы к выделению определенного набора подобных факторов формирования электорального поведения послужили основой для выделения трех основных школ теории электорального поведения: Колумбийской, Мичиганской и Рочестерской. Колумбийская школа фокусируется на влиянии социально-экономических и демографических факторов на электоральное поведение и подчеркивает роль социальных групп, класса, религии, этнической принадлежности в формировании политических взглядов населения. Голосование рассматривается как результат принадлежности к определенной социальной группе и усвоения соответствующих ей политических норм и убеждений, акцентирует внимание на коллективном,

а не индивидуальном выборе (Ikeda, Huckfeldt 2001; Knutsen 2006).

Мичиганская школа подчеркивает роль устойчивой социально-психологической партийной идентификации в определении электорального поведения, сформированной под воздействием семьи, друзей и социального окружения, подчеркивая стабильность политических убеждений и относительную предсказуемость электорального поведения на основе партийной принадлежности (Meleshkina 2002; Campbell 1960; Russett, Klingemann 2007).

Рочестерская школа основывается на том, что избиратели действуют согласно теории рационального выбора, выбирая кандидата или партию, максимизирующую их личные выгоды при одновременном снижении издержек (Schumpeter 1995; Voix, Stokes 2009).

Не вдаваясь в анализ многочисленных идей электорального поведения, обратимся к содержанию качественно нового взгляда на изучение и различение электорального поведения населения Европы, который предложили в 1970-х годах политологи С. Липсет и С. Роккан в работе «Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей» (Lipset, Rokkan 1990), а также развившие их теорию П. Тейлор и Р. Джонстон в монографии «География выборов» (Taylor, Johnston 1966).

Изложенная Липсетом и Рокканом концепция объясняет формирование партийных систем и соответствующих им структур предпочтений избирателей в Западной Европе через призму фундаментальных социальных расколов, которые были сформированы ключевыми событиями в истории европейского континента: Реформацией XVI–XVII веков, Великой французской революцией 1789 года, Промышленной революцией XIX века и Октябрьской революцией 1917 года. На их основе Липсет и Роккан выделяют четыре главных раскола, которые оказали наиболее глубокое воздействие на электоральное поведение граждан европейских стран: между центром и периферией, церковью и государством, городом и селом, землевладельцами и рабочими (Lipset, Rokkan 1990; 1967; Taylor, Johnston 1966).

Так, каждый из этих конфликтов создает раскол в обществе, определяющий электоральное поведение населения и выявляющий зависимость поддержки партий и кандидатов от интересов разных социальных групп. Кроме того, эти «застывшие в системе» социальные расколы объясняли относительно стабильный характер партийных систем в Западной Европе в послевоенный период.

Отталкиваясь от данных формулировок и наборов факторов, вполне естественно проявление глубокой заинтересованности ученых-географов к изучению особенностей, положения и политической регионализации феномена европейского электорального поведения с разнообразными комбинациями данных узкоспециализированных вопросов.

Методология исследования

Несмотря на критику электоральной географии как, якобы, «сырой» науки с большой долей описательности и иррациональных методов исследования, она обретает все более значимую роль в объяснении политико-географической дифференциации территории государств через анализ различий в политических ориентациях населения. Наряду с известными работами Р. Джонстона, А. Зигфрида, Д. Истона, А. Макфэйла, Р. Морила, П. Тэйлора, С. Роккана и др., автор использовал творческие наработки отечественных исследователей: В. А. Колосова, А. Е. Любарева, И. Ю. Окунева, Л. В. Смирнягина, Р. Ф. Туровского и других представителей данной области научного знания в главных центрах электорально-географических исследований: Институте географии РАН, на факультетах Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета.

Основная цель статьи — исследовать и оценить современные электоральные процессы в странах Западной Европы. Объект исследований — особенности электорального поведения населения стран Заданной Европы, прежде всего Европейского Союза. Предмет исследования — дифференциация географических факторов, влияющих на голосование.

Анализ электорального подхода в географии трудно представить без опоры на уже наработанные методические средства: системно-структурный, логический, картографический, исторический, статистический и другие методы.

Результаты и обсуждение

Особенности европейской электоральной геоструктуры. Логичным является рассмотрение в данном исследовании выделенной особо европейской электоральной геоструктуры, поскольку государства, слагающие ее, обладают значительным опытом проведения демократических выборов, а также характеризуются развитыми и относительно стабильными партийными системами и соответствующими

им устоявшимися региональными моделями электорального поведения. Кроме того, европейская электоральная геоструктура обнаруживает связь с упомянутой сформировавшейся моделью расколов Липсета — Роккана, а также теорией «диффузии инноваций» и связанного с ней «эффекта соседства» Т. Хегерстранда (Hägerstrand 1967).

Отметим, что фундаментальное исследование европейской электоральной геоструктуры было проведено Р. Ф. Туровским в работе «Электоральные геоструктуры в западных демократиях: попытка системного компаративного анализа», в которой автор объединил два перечисленных выше подхода, сформировав собственную модель изучения особенностей электоральной геоструктуры Европы по принципу «центр — периферия». Ключевым элементом анализа по этому принципу является рассмотрение территории в трех измерениях: в качестве системы центров и периферий по вертикали, геокультурных ареалов по горизонтали и иерархического устройства пространства с определением соответствующих отдельным элементам этой системы типов голосования (Turovsky 2004).

Говоря о первом вертикальном измерении, стоит сказать, что в определении центров речь идет о более или менее единой системе креативных, адаптивных регионов, связанных диффузией одних и тех же инноваций и отличных от консервативной периферии, которая либо абсорбирует инновации, либо отвергает их. При этом, несмотря на разный статус центров разных стран в общеевропейском электоральном пространстве, базовая модель отношений «центр — периферия» остается схожей для каждого государства.

Во втором случае отметим уникальность геокультурных ареалов, поскольку они включают в себя комплекс признаков: социально-экономические, этнические, конфессиональные, культурно-исторические, поэтому унифицировать подход к их анализу практически не представляется возможным. Следовательно, изучение геокультурного измерения выборов требует в каждом государстве индивидуального подхода, учитывающего его реальное деление, особенно в полиэтнических государствах с выраженной региональной фрагментацией.

Третье измерение геоэлекторального пространства отражает его иерархическое устройство. Это обусловлено тем, что каждый территориальный объект, помимо собственных геокультурных особенностей, одновременно занимает определенное место в системе отношений «центр — периферия». Выделение дан-

ного измерения позволит преодолеть фрагментарность регионального анализа и рассматривать страну не как набор отдельных регионов, а как сложную систему локализованных территориальных сообществ, каждое из которых занимает свое положение в иерархическом рельефе «вертикальных» отношений в модели «центр — периферия».

Вследствие компаративного анализа европейской электоральной геоструктуры по данной модели Туровский выделяет особые модели голосования внутри нее: «бельгийская», «австрийская», «парижская», «скандинавская», «британская» и «иберийская».

Бельгийская модель предполагает повышенные показатели либеральных партий в инновационных центрах и периферийных территориях, попадающих под их политическое влияние в процессе диффузии инноваций. В то же время здесь проявляется геокультурный раскол на основе этнического фактора — Валлония более подвержена либеральной диффузии, в то время как Фландрия оказывается вне ее достижения, демонстрируя повышенные показатели националистических партий (Новый фламандский альянс и Фламандский интерес).

В свою очередь, характерной чертой *австрийской модели* является преобладание левых партий в инновационных центрах, часто ориентированных на столичную культуру, при отсутствии сильной либеральной альтернативы. Так, Вена служит ярким примером данной модели, являясь ключевым бастионом австрийских социал-демократов. В то же время консерваторы пользуются наибольшей поддержкой на периферии, в особенности в западных горных регионах — землях Тироля и Форарльберга, где доминирует Австрийская народная партия, однако к востоку от этих регионов поддержка народников постепенно уменьшается.

В целом голосование периферии за консервативные силы — распространенный паттерн, в той или иной степени проявляющийся в большинстве рассматриваемых электоральных моделях. Тем не менее результаты голосований многих европейских столичных регионов часто не подтверждают австрийскую модель. Это связано с тем, что электоральные предпочтения в столицах, как правило, не отличаются единообразием и консолидацией. Будучи эпицентром инноваций, столица неизбежно генерирует или заимствует множество различных идей, что приводит к формированию смешанной электоральной культуры, а не однозначно левой (австрийская модель) или либеральной (бельгийская модель).

Такой моделью, в рамках которой столичная политическая культура сочетает в себе множество различных инноваций, является *парижская модель*. Столичная агломерация демонстрирует здесь смешанную электоральную культуру, сочетая в себе левые, радикально-левые, либеральные и правые тенденции голосований, а также поддержку «зеленых». При этом районы внутри агломерации дифференцируются по электоральным предпочтениям в зависимости от своей социальной структуры. В качестве примера можно привести Германию, где партия «зеленых» стабильно демонстрирует наилучшие результаты в Берлине, Гамбурге и Бремене, их поддержка также высока в Гессене и Баден-Вюртемберге. Однако в старопромышленном Рурском регионе (Северный Рейн-Вестфалия), несмотря на высокий уровень загрязнения по меркам Германии, «зеленые» получают меньшую поддержку, что свидетельствует о том, что голосование за «зеленых» чаще связано не с экологическими проблемами, а с политической восприимчивостью территории к новым идеям, ее инновационностью.

Предельным выражением парижской модели и одновременно полной противоположностью австрийской является *скандинавская модель* электорального поведения в инновационных центрах. В этой модели смешанная электоральная культура характеризуется усилением правых партий в столичных регионах при одновременном смещении поддержки левых сил в центральные и северные периферийные регионы. Это выражается, например, в том, что в Швеции и Норвегии основная поддержка социал-демократов партий сосредоточена в северных ленах и фюльке.

Также формирование смешанной электоральной культуры в столицах приводит к смещению доминирования левых сил и в традиционные для них регионы — старопромышленные территории, возникшие в эпоху первоначальной индустриализации. В качестве типичного примера такого региона выступает угольный бассейн с развитой металлургической промышленностью или портовый город, претерпевший современную трансформацию в структуре занятости. На этой основе выделяется *британская модель*, характеризующаяся преимущественной поддержкой левых сил (Лейбористской партии) в старопромышленных и портовых районах. Однако, в отличие от промышленных центров, столица при этой модели не демонстрирует столь консолидированного голосования за левых. В то же время для британской модели характерно голосование периферии за консерваторов:

страна разделена на «столичные» метрополитенские ареалы, поддерживающие лейбористов, и «периферийные» графства, голосующие за консерваторов.

Кроме того, проявления британской модели можно обнаружить и в других европейских странах. Например, в Германии наблюдается значительная поддержка социал-демократов в Рурской области. Особенно показательным германским примером является Саар, традиционно демонстрирующий высокую поддержку СДПГ, несмотря на преобладание консервативных настроений в соседних южных землях. Схожая ситуация наблюдается в Бельгии, где социалисты имеют прочные позиции в провинции Эно, расположенной в Арденнах и имеющей аналогичное прошлое, связанное с развитием угольной и металлургической промышленности. Также в Испании, где оплотом социалистов является юг страны, в противовес консервативному северу выделяется Астурия с высокой поддержкой социалистов, что позволяет провести параллель с ситуацией в Сааре.

Однако более глубокие геокультурные и социально-экономические расколы оказывают большее влияние на электоральную геоструктуру Европы, чем обозначенный раскол «центр — периферия», приводя к разделению периферийных регионов на консервативное, религиозное крыло, поддерживающее правые силы, и более бедную, социально нестабильную часть, тяготеющую к левым. Данный факт позволяет выделить иберийскую модель (Испания, Португалия, Греция). В соответствии с данной моделью, северные и внутренние регионы перечисленных стран демонстрируют характерный для австрийской модели региональный консерватизм, особенно в случае с Испанией (Народная партия). Бедные южные регионы (Эстремадура, Андалусия), напротив, становятся бастионом социалистов, что является реакцией на социально-экономические и геокультурные расколы внутри страны. Однако в «выпадающей» из иберийской модели Италии данное явление практически не наблюдается и южные регионы в основном поддерживают правые партии, в первую очередь партию «Вперед, Италия». Вместо юга роль «красного пояса» в Италии выполняют центральные регионы: Эмилия-Романья, Тоскана и Умбрия. Формирование «красного пояса» именно в этой части Италии объясняется феноменом сочетания исторического фактора (вхождение в Папскую область, повлекшее за собой отторжение религиозного консерватизма), особенностей социальной организации (развитие кооперативного движения) и характера

индустриального развития (распространение инновационных производств во второй половине XX века).

Таким образом, можно сделать вывод, что электоральное поведение граждан в разных европейских странах создает устойчивые географические паттерны, формирующие европейскую электоральную геоструктуру. Эти паттерны отражают сложные взаимодействия исторических, социальных, экономических, культурных и политических факторов и выражаются в вертикальном измерении «центр — периферия» и геокультурном горизонтальном. Данное сочетание позволяет рассматривать электоральную геоструктуру Европы не как набор отдельных стран и регионов, а как сложную систему локализованных территориальных сообществ, связанных между собой иерархическими отношениями, систему, являющуюся результатом исторического развития и политических традиций в разных ее проявлениях.

Трансформация электоральных геоструктур в рамках ЕС. По своей природе электоральные геоструктуры не являются статичными, так как подвержены изменениям под влиянием социальных, экономических и политических процессов. Глобализация, миграция, развитие новых технологий и изменение политических ценностей могут приводить (и приводят) к трансформации электоральных ландшафтов, появлению электоральных сдвигов. В научных работах понятие «электоральные сдвиги» связано, во-первых, с развитием особых форм электорального поведения, а во-вторых, с формированием «политической перестройки» на основе критических выборов.

А. А. Сидоренко в работе «Эволюция электорального ландшафта» рассматривает голосование «против всех», бойкот выборов и поддержку радикальных партий как проявления особых форм электорального поведения. При этом автор подчеркивает, что проявление «особого» электорального поведения не абсолютно, а контекстуально, отмечая, что «особость» или «сдвиг» проявляется лишь в контексте определенной системы координат, в данном случае — в контексте государственных политических норм-координат европейских стран в определенный период времени (Galkova et al. 2005).

Именно эти нормы определяют, что считать «традиционным» голосованием, а что «особым», а также выявляют электоральный сдвиг. Однако здесь возникает парадокс: несмотря на то что электоральный сдвиг определяется системой координат, европейская система сама по себе весьма стабильна, и политико-географический

ландшафт внутри нее меняется медленно, что обуславливает длительную неизменность расстановки и влияния тех или иных партий или доли их сторонников на определенной территории под влиянием модели расколов электорального поведения.

Таким образом, электоральный сдвиг в европейских странах происходит путем изменения контуров ареалов традиционного влияния определенных партий или их полного замещения другими политическими силами, что, в свою очередь, свидетельствует о политической перестройке.

Политическая перестройка, по В. О. Кимладшему, — это ряд резких изменений в идеологии, составе лидеров, проблемах, региональной и демографической базе внутри политической геоструктуры государства или региона. Эти изменения инициируют реструктуризацию ее политического фокуса и власти, что в итоге приводит к замене прежней, долгое время доминирующей политической силы. Политические перестройки могут быть внезапными (1–4 года) или происходить более постепенно (5–20 лет). Чаще всего, как показано в оригинальной гипотезе упомянутого автора, внезапная перестройка происходит в результате одних «критических выборов». Однако он также утверждал, что существует циклический процесс перестройки, когда политические взгляды граждан определенной группы интересов постепенно начинают разделяться, что автор обозначил как светскую перестройку (Hägerstrand 1967; 1962).

Как было указано выше, центральным компонентом политической перестройки является изменение электорального поведения или электоральный сдвиг, а сама перестройка в контексте голосования связана с переключением предпочтений избирателей с одной партии на другую. В США, где идеология партий определяет многие аспекты жизни избирателей и принимаемые ими решения, перестройка избирателей, как правило, имеет более выраженный эффект. Однако в Европе феномен политической перестройки не столь резок. Благодаря многопартийной системе лояльность избирателей к одной конкретной партии гораздо ниже, они склонны менять партии по собственному предпочтению в рамках проблемного голосования, часто только на время одного электорального цикла.

Политические перестройки происходят по разным причинам, однако одними из самых значительных факторов являются социально-экономический и культурный. Если первый может проявлять свое влияние более резко в условиях

увеличивающейся изменчивости современного мира, то второй действует постепенно, поскольку культура населения меняется с течением времени по мере развития общества, изменения потребностей и эволюции ценностей. Одновременно меняются взгляды и политические предпочтения населения, что приводит либо к перестройке традиционных партий для соответствия современной повестке дня, либо к появлению новых, внесистемных и популистских партий, стремящихся уловить возникающие в данный момент запросы избирателей.

В рамках Европейского союза можно привести несколько примеров таких политических перестроек.

Всеобщие выборы 1982 года в Испании — победа Испанской социалистической рабочей партии (PSOE). На этих выборах правящий Союз демократического центра (UCD), партия, под началом которой произошел переход к демократии после диктатуры Франко, была практически уничтожена. UCD получил всего 11 мест, а вместо нее в качестве основной несоциалистической партии выступил Народный альянс (AP), который вскоре после выборов как партия распался. PSOE и AP, позже преобразованные в Народную партию (PP), будут доминировать в испанской политике в течение следующих трех десятилетий.

Всеобщие выборы в Италии 1994 года — победа коалиции «Вперед, Италия». Эти выборы привели к практически полному уничтожению Итальянской народной партии, которая была крупнейшей в стране с 1946 года. Ее основной партнер по коалиции на протяжении последних тридцати лет — Итальянская социалистическая партия — также был разгромлен.

Федеральные выборы 1998 года в Германии — первая победа красно-зеленой коалиции на федеральном уровне. В результате выборов было получено первое в истории Германии левоцентристское большинство на федеральном уровне. СДПГ заняла первое место впервые с 1972 года и второй раз со времен Второй мировой войны. Выборы сместили блок ХДС/ХСС и федерального канцлера Г. Коля после 16 лет пребывания на этом посту, а пять других партий набрали более 5 % голосов избирателей, преодолев процентный барьер, что стало первым признаком более раздробленного политического ландшафта ФРГ.

Таким образом, основные факторы изменения структуры голосований и формирования электоральных сдвигов в Европе можно разделить на две основные категории: «объективные», обусловленные долгосрочными обстоятельством

ми, и «субъективные», связанные с мотивацией избирателей. Первая категория включает социально-экономические и культурно-исторические факторы. Вторая, более разнообразная по своему составу, охватывает спектр от иррациональных импульсов политического выбора при голосовании до особенностей институциональной организации и влияния избирательных кампаний. В свою очередь, идеологические установки находятся в промежуточном положении между этими двумя категориями факторов, так как анализ их влияния неразрывно связан с применяемыми избирательными технологиями.

Обильную пищу для исследователя предоставляет анализ эволюции выборов в Европарламент (рис. 1, 2, 3). При этом важно отметить, что последние три электоральных цикла в Европе, как на национальных выборах, так и на выборах в Европейский парламент, проходили под давлением определенных обще-европейских кризисов. Среди них: долговой кризис в странах Еврозоны 2010 года, миграционный кризис 2015 года и энергетический кризис 2022 года. Каждый из них, в первую очередь, повлиял на главную цель ЕС — интеграцию, а также послужил триггером для активизации и успеха определенных политических сил в каждом электоральном цикле.

Выборы в Европарламент 2014 года. Данные выборы прошли под знаменем конфликта по поводу разрешения долгового кризиса. Руководством ЕС было принято решение о переходе к более скоординированной финансово-экономической политике, а также о перераспределении зон ответственности и передачи части полномочий от национальных правительств к европейским институтам. Это решение стало первым «яблоком раздора» на европейском политическом пространстве. Государства — члены ЕС — разделились на две группы: одни восприняли кризис как повод активизировать интеграцию, а другие, напротив, посчитали его признаком слабости Евросоюза и неспособности решать актуальные экономические вопросы. Выражением данного конфликта стали результаты выборов в Европарламент в 2014 году, подсчитанные по количеству голосов избирателей, а не по количеству полученных мест европартиями. Кроме того, из выборки стран была исключена Великобритания в силу произошедшего в 2020 году брексита и последующей невозможности поэтапного анализа электоральных сдвигов в этом регионе Европы. Также для удобства проведения анализа большинство ультраправых партий, в 2014 году относившихся

к независимым кандидатам, были включены автором в образованную этими партиями в 2019 году единую партию «Идентичность и демократия».

Наблюдаемые на картограмме результаты выборов говорят о начинающейся поляризации европейского пространства, взамен голосования за правоцентристов-народников. ЕНП же и понесла главные потери голосов избирателей, что было вызвано не слишком удачным выступлением национальных партий, входящих в ее состав, на внутригосударственных выборах. Долговой кризис и непопулярные действия народников привели к росту протестных настроений, из-за чего часть избирателей, ранее поддерживавших правоцентристов, перешла к более радикальным партиям. Несмотря на это «Европейская народная партия» формально выиграла выборы, и ее кандидат Ж.-К. Юнкер был утвержден Европарламентом на пост председателя Еврокомиссии.

В свою очередь, «Партия европейских социалистов» испытала незначительную потерю поддержки за счет оттока электората к набирающим

популярность леворадикальным силам, но в то же время ПЕС значительно увеличила свое представительство в Европарламенте на данных выборах за счет неожиданного результата в Италии, где произошло серьезное сокращение поддержки партии «Вперед, Италия» С. Берлускони, а Демократическая партия, относящаяся к ПЕС, победила даже в северных регионах страны, традиционно являющихся цитаделью правоцентристов.

Однако выявленный отток электората к леворадикалам говорит о том, что социал-демократам все сложнее предложить избирателям устраивающие их ответы на социальные вызовы. И об этом свидетельствует успешное выступление на выборах партии «Левые в Европейском парламенте (GUE/NGL)», которая показала результат в 5,6 % голосов избирателей, при том что на большинстве предыдущих выборов данный процент редко превышал 4 %. Особенно заметным был успех левых радикалов в Ирландии, где традиционно партия Шинн Фейн набирает высокий процент голосов, и в странах Южной Европы, прежде всего в Португалии,

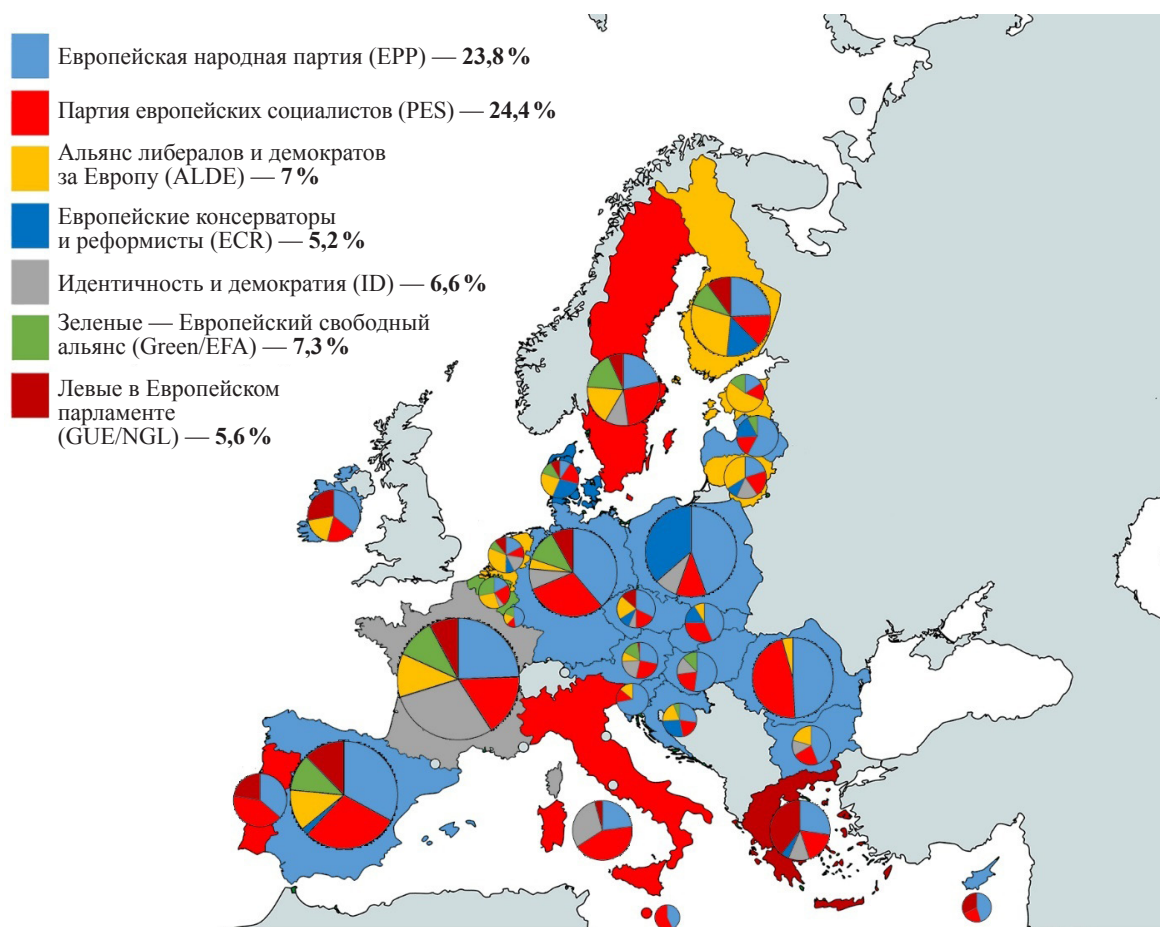

Рис. 1. Картограмма результатов выборов в Европарламент 2014 года (European Parliament Elections 2014)

Fig. 1. Cartogram of the 2014 European Parliament election results (European Parliament Elections 2014)

Испании, Греции и Республике Кипр, где из-за чрезмерной долговой нагрузки на бюджет экономическая рецессия оказалась особенно глубокой и продолжительной.

Наиболее болезненным снижением электоральной поддержки стало для либеральных партий, входящих в АЛДЕ, — фракция получила лишь 7 % голосов, в то время как на большинстве предыдущих выборов ее результат варьировался от 8 до 12 %. Таким образом, партия уступила третье место «Зеленым» и переместилась на четвертое. Провал АЛДЕ объясняется ослаблением позиций либералов в двух ключевых странах — Германии и Италии, где для либеральных партий (СвДП и «Италия ценностей») выборы закончились провалом. Однако в странах Центральной и Восточной Европы, Скандинавии, Нидерландах и Бельгии либералам удалось удержать и даже улучшить свои результаты.

В свою очередь, «Зеленые — Европейский свободный альянс» (Green/EFA) хотя и стали третьей по популярности партией на выборах в Европарламент, однако так же частично потеряли поддержку. Как и в случае с АЛДЕ, потеря голосов избирателей связана с провалом «Зеленых» в крупных странах (Франция и отчасти Германия). В большинстве остальных стран интерес к «зеленым партиям» оставался на прежнем уровне.

Среди правых партий неожиданный успех показали Европейские консерваторы и реформисты (ЕКР). Их идеи и лозунги привлекли умеренных евроскептиков, недовольных текущим направлением европейской интеграции и выступающих за ограничение вмешательства Брюсселя в те сферы, которые, по их мнению, должны оставаться в ведении национальных правительств, но при этом они не считают выход из ЕС необходимым и разумным решением. ЕКР увеличили свое представительство в Европарламенте за счет присоединения трех партий, включая Датскую народную партию, партию «Истинные финны» и Реформатскую партию Нидерландов. Кроме того, ЕКР также смогли привлечь к себе несколько новых, ранее не представленных в Европарламенте партий, например «Альтернативу для Германии».

Партия ультраправых евроскептиков «Идентичность и демократия», как было отмечено, на тот момент еще не была создана, однако на момент выборов 2014 года ее костяк составляли независимые кандидаты, а также бывшая партия «Европа за свободу и демократию», в которую входили литовская «Порядок и справедливость», а также итальянское «Движение

пяти звезд», получившие весомую поддержку. Огромным успехом стал результат голосования и за независимые националистические партии, которые впоследствии заявили о создании единой ультраправой партии в Европарламенте, чем и стала ИД. Наибольший вклад в результат оказал французский «Национальный фронт» Марин Ле Пен, а также нидерландская и австрийская Партия свободы. При этом успехе в среде правых назрел раскол — упомянутые партии посчитали политически неприемлемым вступить в коалицию с откровенными маргиналами, например с венгерской националистической партией «Йоббик», Национал-демократической партией Германии, неонацистской греческой партией «Золотая заря», которые впоследствии так и остались независимыми кандидатами и не вошли в «Идентичность и демократию».

Таким образом, с одной стороны, результаты выборов укрепили роль Европарламента в политической системе ЕС: партия или коалиция, получившая большинство, получила право назначать главу Еврокомиссии; с другой — в Европарламенте значительно увеличилось число евроскептиков и правых популистов, выступающих против углубления интеграции и в некоторых случаях даже за выход из ЕС. Хотя увеличение числа радикалов (как правых, так и левых) не позволило им изменить общую конфигурацию Европарламента, где по-прежнему доминируют Европейская народная партия (ЕНП) и Партия европейских социалистов (ПЕС), однако сужение политического центра уже свидетельствовало о начале электорального сдвига и серьезных изменениях в настроениях избирателей как по отношению к политике национальных правительств, так и к процессу европейской интеграции в целом.

Выборы в Европарламент 2019 года. В контексте данных выборов стоит отметить, что они прошли в условиях сразу нескольких важнейших для Европы событий и кризисов, которые повлияли на настроения избирателей. Среди них: миграционный кризис, вызванный масштабным притоком беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки, резкая смена политического курса США при первом сроке Д. Трампа, перешедшем к конфронтационным методам дипломатии в отношении Европы, и события на Украине, изменившие отношения между ЕС и Россией. Ситуация в самом Евросоюзе также претерпела изменения: брексит, несогласие восточноевропейских стран, особенно Польши и Венгрии, с миграционными квотами, установленными Брюсселем, и ответная реакция европейского истеблишмента.

Сохранялись и проблемы безработицы, особенно на юге Европы, несоответствие бюджетного дефицита и реалий экономики, энергетические вопросы и изменение климата. Нельзя было игнорировать и возросшую вследствие миграционного кризиса террористическую угрозу, рост преступности и крупные коррупционные скандалы. Все эти проблемы требовали решений как на национальном, так и на общеевропейском уровне, и результат выборов в Европейский парламент должен был сыграть в этом ключевую сигнализирующую роль.

Анализ результатов выборов 2019 года в Европарламент ярко демонстрирует тенденции продолжающегося ослабления партий европейского истеблишмента. Процентные показатели «Европейской народной партии» свидетельствуют о явной неудовлетворенности со стороны избирателей действиями входящих в нее партий, которые не смогли дать ответ на насущные вопросы европейцев и вынести эффективные решения для борьбы с нарастающими кризисами. Особенно сокрушительное поражение для народников было в Испании на фоне корруп-

ционного скандала с правительством М. Рахоя. Также произошло и окончательное падение популярности «Вперед, Италия» С. Берлускони. Кроме того, в составе самой народной партии возник конфликт из-за разногласия с Брюсселем по поводу миграционных квот венгерской партии ФИДЕС В. Орбана, которая в процентном отношении установила европейский рекорд, получив поддержку 52 % электората. На момент выборов венгерские народники продолжали числиться в рядах ЕНП, однако позже их членство было приостановлено.

«Партия европейских социалистов» понесла еще более внушительные потери в 6 процентных пунктов (п. п.), что произошло по причинам, схожим с потерей популярности ЕНП, даже не смотря на победу социалистов в Испании. Потери характеризуются утратой ПЕС поддержки избирателей в Италии, Швеции и Восточной Европе.

Однако данные потери двух основных партий Европарламента компенсировали тесно сотрудничавшие с ними в последние годы европейские либералы (АЛДЕ), чье представительство

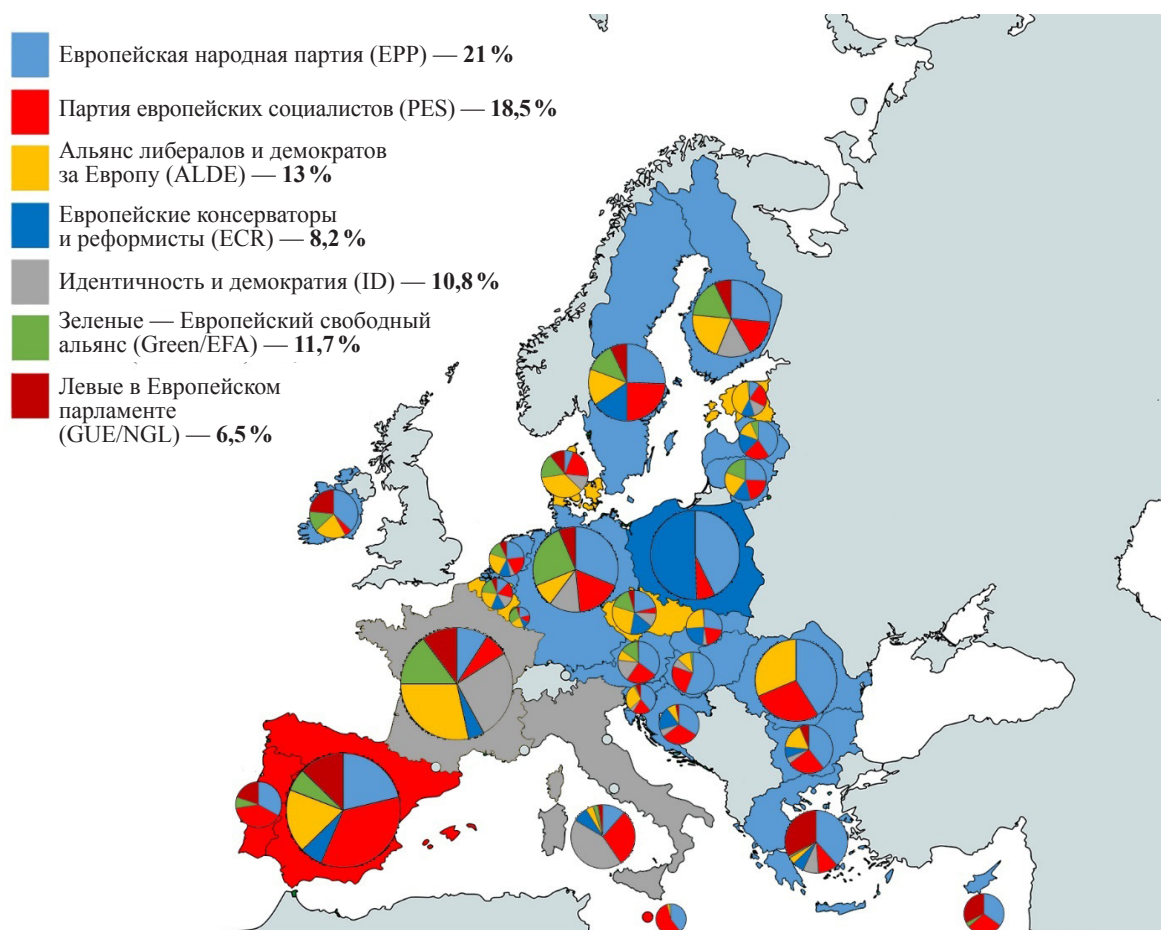

Рис. 2. Картограмма результатов выборов в Европарламент 2019 года (European Parliament Election 2019)

Fig. 2. Cartogram of the 2019 European Parliament election results (European Parliament Elections 2019)

в Европарламенте резко возросло, так же как и популярность, в глазах избирателей (повышение на 6 п. п.) за счет эффективной риторики о смягчении кризисных мер. Наибольшую популярность приобрели французская «Вперед, Республика!» Э. Макрона, испанские «Граждане», чешская ANO и румынская «Национальная либеральная партия».

Произошел и значительный рост популярности «Зеленых» (5 п. п.), особенно в ключевых странах — Франции и Германии, а также в Северной Европе и странах Бенилюкса. Вероятнее всего, «Зеленые» и близкие им идеологически «Левые в Европейском парламенте» укрепили свои позиции на выборах 2019 года за счет оттока электората от социал-демократов.

«Европейские консерваторы и реформисты», в свою очередь, также повысили процент голосов, отданных за партию на 3 п. п., главным образом в Восточной Европе и особенно в Польше, где партия «Право и справедливость» получила большинство. Кроме того, к ЕКР присоединилась и активно набирающая популярность в Испании партия Vox, а также «Шведские демократы». Однако результат консерваторов мог быть еще более ошеломляющим, если бы не тот факт, что партия понесла потери за счет оттока нескольких национальных партий от этой фракции к новой, более радикальной ультраправой «Идентичности и демократии». Среди покинувших ЕКР числятся «Альтернатива для Германии» и Датская народная партия.

Собственно же «Идентичность и демократия» получила весомое представительство в Европарламенте, наиболее убедительные результаты продемонстрировали итальянская «Лига», французское «Национальное объединение», бельгийский «Фламандский интерес» и в меньшей степени «Альтернатива для Германии». На фоне продолжающегося миграционного кризиса риторика этих партий оказалось особенно успешной в глазах среднестатистического избирателя.

Подводя итог, можно отметить, что выборы в Европарламент 2019 года свидетельствуют о продолжающемся ослаблении позиций традиционных партий на фоне усиления либералов и альтернативных политических сил, особенно «Зеленых» и евроскептиков, что затрагивает все больше и больше регионов Европы, главным образом Западную Европу как «инновационный центр» всего европейского пространства.

Выборы в Европарламент 2024 года. Как было отмечено выше, главным фактором, которым руководствовались европейские избиратели, продолжает становиться не политическая идеология партии, а позиция кандидатов в от-

ношении насущных проблем и вызовов, которые с 2014 года имели накопительный эффект. Поэтому в контексте выборов в Европарламент 2024 года главную роль играли пять глобальных европейских кризисов — миграционный кризис, вопрос климатической повестки, экономической ситуации, последствий пандемии COVID-19 и конфликта на Украине. Данный набор конфликтов, в свою очередь, дополнил раскол «центр — периферия» и обозначил новые разделяющие линии на карте ЕС.

Вопреки всем ожиданиям продолжающегося снижения популярности «Европейской народной партии» она сумела вернуть лидирующие позиции, повысив процент голосов, отданных за нее, на 2,5 п. п. В основном это произошло за счет повышения поддержки народников в ключевых для них странах — Германии и Испании на фоне потери популярности социалистов и правительств О. Шольца и П. Санчеса. Вырос процент голосования за народников и в Восточной Европе, в частности в Польше и странах Балтии, а также в Словении и Хорватии, что объясняется, во-первых, неожиданным способом протестного голосования против устоявшихся политических сил (Польша), а во-вторых, изменением внутренней структуры национальных народных партий, их легкий сдвиг вправо, что повлекло за собой отток голосов более умеренных избирателей от ЕКР и ИД (Испания).

«Партия европейских социалистов» продолжила терять популярность в Европе. Социал-демократы показали худший результат за все время выборов в Европарламент, даже несмотря на победу в Швеции и неожиданный рост поддержки в Румынии. ПЕС так и не смогли понять новую специфику голосований по насущным вопросам и предложить европейцам решений глобальных проблем.

«Альянс либералов и демократов за Европу» также ухудшил свои позиции. Потери произошли главным образом из-за перехода некоторых партий восточноевропейских стран от либералов к консерваторам, в частности самая крупная либеральная партия Чехии ANO перешла в ЕКР. Победа либералов в Болгарии свидетельствует лишь о «диффузии инноваций». АЛДЕ все больше переходил к центристским позициям, во всем соглашаясь с ЕНП и ПЕС ради коалиции в Европарламенте, что явно не понравилось избирателям.

Растеряли поддержку и «Зеленые», причем по всей Европе — в 2019 году у них был 11,7 % голосов, сейчас же они получили 8,1 %. Особенно заметно «Зеленые» потеряли поддержку

в ключевой стране — Германии, где сказывается кризис с падением реальных доходов до уровня 2016 года, деиндустриализацией страны и образованием «ржавого пояса» на Рейне. Как раз в день голосования директор Франкфуртской биржи — одной из крупнейших в Европе — констатировал превращение Германии из развитой страны в развивающуюся. И если народники могли позволить себе небольшой «правый уклон», что связано с недовольством избирателей климатической и энергетической политикой правительства, то «Зеленые» себе такое позволить не могли в силу собственной идеологии, в следствие чего потеряли поддержку.

Левые радикалы из «Левых в европейском парламенте» частично укрепили поддержку прежде всего по той же причине, что и правые радикалы, то есть за счет кризисных факторов, однако процент поддержки был существенно меньше, поскольку левые не отвечают на главный запрос европейцев — решение миграционного кризиса. Главным успехом левых является победа партии Ш. Фейн в Ирландии, которая хотя и является леворадикальной, но в то же время националистической.

«Европейские консерваторы и реформисты» и «Идентичность и демократия», в свою очередь, вновь увеличили свой успех, особенно ИД, которая стала третьей по популярности партией в Европейском парламенте. «Правый сдвиг» объясняется изменением политического климата во всем большем количестве государств — членов ЕС, где правые и ультраправые популистские партии набирают силу и приходят к власти, в то время как левоцентристы и «зеленые» теряют поддержку. Так, в 2022 году в Италии к власти пришла правая коалиция, состоящая из партий «Лига» М. Сальвини, «Вперед, Италия» С. Берлускони и «Братья Италии» Дж. Мелони, в октябре 2023 года в Словакии победили популисты из партии «Курс — социальная демократия» Р. Фицо, а в ноябре 2023 года на выборах в Нидерландах победила крайне правая «Партия свободы» Г. Вилдерса, в Германии ультраправая «Альтернатива для Германии» стала второй по величине партией, в Испании праворадикальная партия Vox стала третьей по популярности в стране. Кроме того, венгерская партия ФИДЕС В. Орбана была исключена из ЕНП и участвовала на выборах

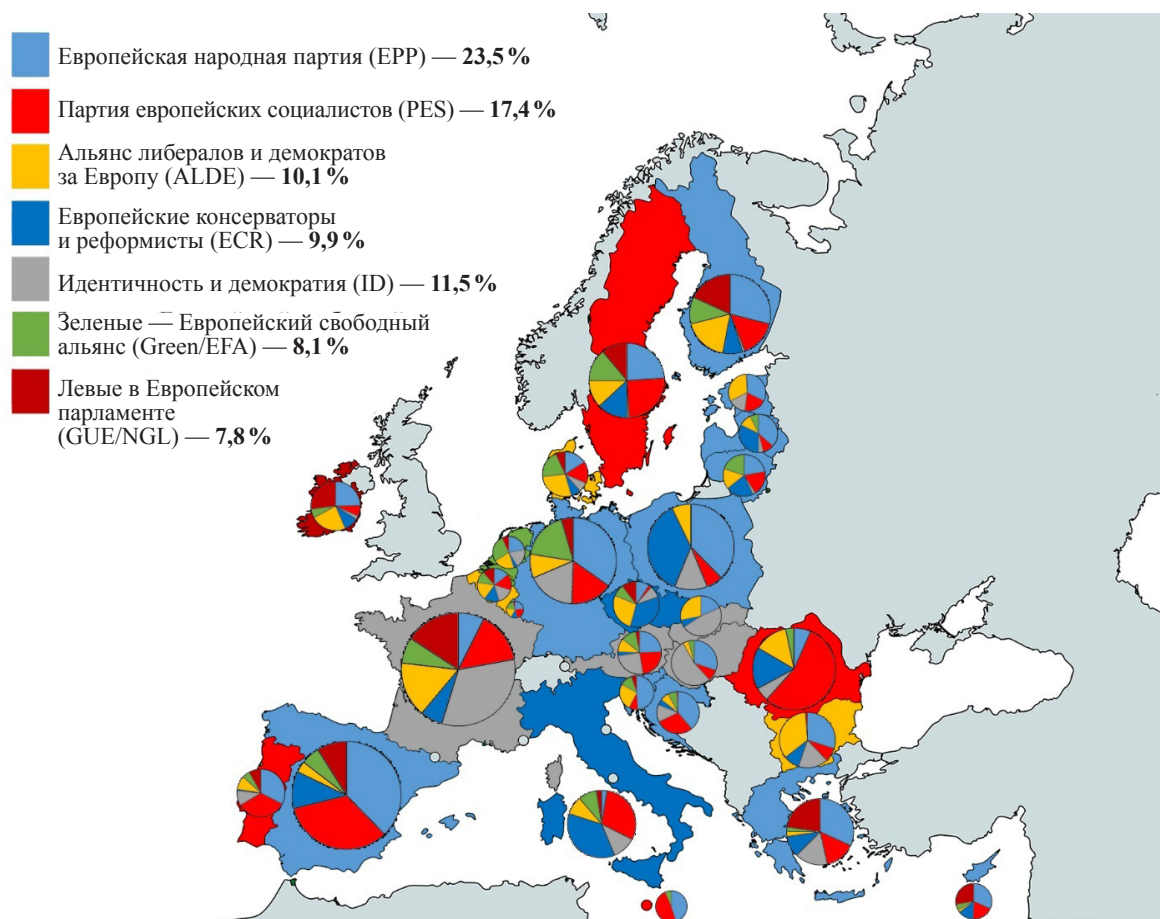

Рис. 3. Картограмма результатов выборов в Европарламент 2024 года (European Parliament Election 2024)

Fig. 3. Cartogram of the 2024 European Parliament election results (European Parliament Elections 2024)

в качестве независимого кандидата с предложением о создании новой ультраправой европейской партии «Патриоты за Европу», которая должна будет слиться с ИД. Усиление правых вновь заметно и во Франции, где рейтинг одобрения Э. Макрона крайне низок, а «Национальное объединение» и «Реконкиста» показали значительный результат. Таким образом, на карте Европы сформировался особый «правый регион», впервые соединивший части Западной, Южной и Восточной Европы благодаря «эффекту соседства».

Причиной растущей популярности консерваторов и евроскептиков является тот факт, что правые завоевывают популярность у все более широких слоев общества, обозначая стратификационные электоральные сдвиги. Правых все чаще поддерживают фермеры и рабочие, недовольные экономической политикой и «зеленым курсом» ЕС, а также представители среднего класса, обеспокоенные иммиграцией и размытием традиционных ценностей. Вопреки мнению левых партий, к правым все чаще присоединяется и молодежь, встревоженная ростом цен и потерей перспектив. Кроме того, в Германии произошел еще один электоральный сдвиг, помимо молодежного, — это сдвиг среди ЛГБТ-сообщества, который обозначился на данных выборах и выразился в формировании необычного электорального бастиона для правой партии «Альтернатива для Германии». Несмотря на традиционную поддержку сообщества Левого партии, логичным объяснением можно считать антипатию местного ЛГБТ-сообщества к не особо толерантным беженцам преимущественно из мусульманских стран, вследствие чего сформировалась логическая цепочка: «какая партия обещает наиболее жесткие меры в отношении мигрантов, за такую и будет отдан голос». В этом контексте выигрышным маркетинговым ходом можно считать и выбор открытой лесбиянки А. Вайдель на должность председателя АДГ.

Таким образом, как показали выборы 2024 года, «евроскептическое землетрясение», начавшееся на двух прошлых выборах в Европарламент, оказалось не временной флуктуацией, а устойчивой тенденцией. Правопопулистские партии, выражающие борьбу с политикой Брюсселя и антииммигрантские настроения, не только закрепились на разных уровнях политической системы, но и бросили вызов всему европейскому истеблишменту, став самой успешной партийной силой за последние 25 лет. Тем не менее главным итогом выборов 2024 года стало сохранение лидерства «Европейской на-

родной партии», чему способствовало частичное снижение популярности евроскептиков в некоторых странах Восточной Европы и рост поддержки ХДС/ХСС в качестве оппозиционной партии в Германии. Однако несмотря на попытки центристов сохранить и укрепить свои лидерские позиции, популярность евроскептиков продолжает расти, и можно ожидать, что в следующем электоральном цикле статус-кво будет нарушен, и правые евроскептики станут блокирующим меньшинством в Европарламенте нового созыва.

Заключение

Изложенные результаты выборов свидетельствуют, что правые консерваторы сохранили все свои традиционные страты поддержки и даже укрепили их: нижний средний класс, «синие воротнички», люди старшего трудоспособного возраста. Все эти группы населения чувствуют себя проигравшими даже не от конкретной политики конкретной партии, а глобально — проигравшими в XXI веке. Долговой, миграционный, энергетический кризисы, глобализация экономики с переездом предприятий и рабочих мест в Азию, увеличивающийся приток мигрантов и конкуренция за рабочие места внутри страны, цифровизация и автоматизация экономики, сокращающая потребность в труде в принципе — такие процессы делают эти группы населения беднее, а их будущее становится все более туманным.

Кроме объективных экономических причин существуют и ситуативные, которые касаются начала 2020-х годов: COVID-19 и политика борьбы с ним стимулировали рост инфляции в Европе, которая достигла пика в 2022 году. С инфляцией удалось справиться, однако накопленный эффект сохранился — цены на базовые товары, в первую очередь на еду, по всей Европе выросли, если сравнить с доковидным периодом. Поэтому неудивительно, что люди вышеперечисленных категорий и раньше голосовали за правые партии, а теперь поддерживают их еще больше. Они явно ощущают, что вся политика левых правительств работает против них, и в это прицельно била вся риторика правой оппозиции.

Однако присутствуют и другие, намного менее ожидаемые результаты. Так, вправо сдвинулись те страты избирателей, которые всю жизнь составляли электорат левых — молодежь. Страта 18–29-летних серьезно сдвинулась вправо, она все еще дает преимущество левым, но это преимущество с подавляющего сократилось

до 50 %. Таким образом, и молодые люди начинают чувствовать себя проигравшими в «новом мире». По идее, все должно быть наоборот — от всех глобальных перемен молодежь выигрывает в первую очередь, поскольку получает преимущество перед тем, кому нужно переучиваться жить. Однако молодые люди испытывают не меньшую фрустрацию и беспокойство о будущем, чем их родители. Во-первых, из-за понимания, что прожить жизнь старшего поколения нынешняя европейская молодежь не сможет. Данное явление можно охарактеризовать с помощью многих европейских и американских семейных ситкомов 1980-х годов, которые демонстрировали стереотипный образ жизни семьи тех времен: глава семьи не имеет высшего образования, не стремится к карьерному росту, всю жизнь работает на одной должности, получает среднюю для местности зарплату, плывет по течению и больше стремится поскорее оказаться в баре с друзьями, чем преуспеть в жизни. При этом у него есть частный дом, за который он платит ипотеку, жена-домохозяйка, трое маленьких детей и два автомобиля, то есть проживая совсем не успешную и не выдающуюся жизнь, у главы семьи на все хватает средств. Новому поколению такую жизнь прожить не удастся. Новое поколение заходит на рынок труда, где, условно, будут либо те, кто создает роботов для распределительного центра службы доставки, получая сотни тысяч евро в год, либо те, кто с этими роботами бок о бок таскают коробки за минимальную зарплату, а между ними — никого. 30 лет назад, работая официантом, молодой человек знал, что после того, как закончит университет, он получит высокооплачиваемую работу в офисе. Теперь же может оказаться, что специальность, на которую он учился, уже заменил искусственный интеллект, а отрасль полностью умерла или переродилась во что-то иное.

Таким образом молодежь попадает в ту же социальную категорию, что и традиционные сторонники партий и политиков правого и популистского спектра. Поскольку, помимо вышперечисленного, они также считают, что современный европейский истеблишмент — это оторванные от жизни люди, которых интересует все, что угодно: трансгендерные переходы, права меньшинств, зеленая экономика, кроме той жизни, которую проживают реальные люди в реальных европейских странах. Так, современный электоральный сдвиг в молодежной демографической группе — это способ высказаться о необходимости перемен в европейском обществе.

Традиционные партии пропустили фундаментальное изменение настроений и частично потеряли свой электорат. Они считали, что голоса молодежи у них в кармане, что они говорят с ней на одном языке, но не учли того обстоятельства, что молодежь конца 2000-х годов и современная — это две разные социальные группы. Традиционные партии столкнулись с другой молодежью и с другими настроениями — идею изменить существующее положение дел в Европе молодежь приветствует больше, чем Европу без «правой угрозы».

Новые европейские правые силы, в свою очередь, уловили эти настроения и поняли, что конкретные пункты программы на выборах потеряли свое значение, что современные выборы — это голосование против текущего положения вещей.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

References

- Boix, C., Stokes, S. (eds.). (2009) *The Oxford Handbook of Comparative Politics*. New York.: Oxford University Press, 1021 p. (In English)
- Campbell, A., Philip, C., Warren, M., Donald, S. (1960) *The American Voter*. New York.: John Wiley & Sons Publ., 573 p. (In English)
- European Parliament Election 2019*. (2019) [Online]. Available at: <https://europeelects.eu/ep2019/> (accessed 15.04.2025). (In English)
- European Parliament Election 2024*. (2024) [Online]. Available at: <https://europeelects.eu/ep2024/> (accessed 15.04.2025). (In English)
- European Parliament Elections 2014. UK Parliament RESEARCH PAPER 14/32 11 June 2014*. (2014) [Online]. Available at: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/rp14-32/> (accessed 15.04.2025). (In English)

- Galkova, D. A., Kryukova, N. A., Sidorenko, A. A. et al. (2005) *Evolution of the electoral landscape*. Moscow: KomKniga Publ., 168 p. (In Russian)
- Hägerstrand, T. (1967) *Innovation Diffusion as a Spatial Process*. Chicago: The University of Chicago Press, 350 p. (In English)
- Ikeda, K., Huckfeldt, R. (2001) Political communication and disagreement among citizens in Japan and the United States. *Political Behavior*, no. 1, pp. 23–52. (In English)
- Knutsen, O. (2006) *Class voting in Western Europe: A comparative longitudinal study*. Lexington: Lanham Publ., 227 p. (In English)
- Lipset, S. M., Rokkan, S. (1967) *Party systems and voter alignment*. New York: Free Press, 554 p. (In English)
- Lipset, S. M., Rokkan, S. (1990) *Cleavage structures, party system, and voter alignments*. Oxford: The West European Party System Publ., 554 p. (In English)
- Meleshkina, E. (2002) “Funnel of causality” in electoral research. *Polis*, no. 5, pp. 47–53. (In Russian)
- Russet, D., Klingemann, H. (2007) *The Oxford Handbook of political behaviour*. Oxford: Oxford University Press, 992 p. (In English)
- Schumpeter, I. (1995) *Capitalism, Socialism and Democracy*. Moscow: Ekonomika Publ., 540 p. (In Russian)
- Taylor, P. J., Johnston, R. J. (1966) *Geography of elections*. New York: Routledge Publ., 530 p. (In English)
- Wagner, P. L., Mikesell, M. W. (1962) *Readings in Cultural Geography*. Chicago; London: University of Chicago Press., 614 p.
- Turovskij, R. F. (2004) Electoral geostructures in Western democracies: An attempt of systemic comparative analysis. *Politya*, no. 1 (32), pp. 198–231. (In Russian)